

сестрой, о чем приводится мифологическое предание. В архаических культурах отдается предпочтение луне, а не солнцу, и записи свт. Иннокентия подтверждают это. Интересно, что тлинкиты перенесли на светила человеческие и социальные свойства бедности и богатства. Так, в их рассказе «солнце считается бедняком и не столько чистым, как луна, от того, что на солнце сушится всякое платье, а луна напротив того богата, у нее редко бывает недостаток» (1, с. 85).

Колоши «поддерживают» богатство луны своими обрядами. Во время затмения луны, которое они толкуют как потерю богатства, выносятся на улицу дорогие подарки: бобры, другие товары. Они уносятся домой лишь тогда, когда луна примет свой прежний вид. Затмение луны также обставлено обрядами. Колоши считают, что «луна сбилась со своей дороги» и помогают ей священными песнями, направляя ее на верный путь» (там же). Другие группы индейцев (побережье Южной Америки) также отдают предпочтение луне. Так, солнечные затмения они представляли как победу луны над солнцем, а лунные – как печальные и оплакивали их. И колоши отмечали, что «полное затмение считается предвестником будущих великих несчастий» (там же).

Особые лунарные мифы многих народов посвящены объяснению пятен на луне. Сходство многих сюжетов в том, что пятна – это люди, попавшие на луну. В остальном мифы могут иметь отличия. Учеными отмечается, что в развитых обществах наблюдается уменьшение значимости луны, она часто остается лишь как мифологический символ, используемый в магических обрядах. Мифология колошей, выделяющая луну, есть свидетельство архаичности их культуры.

Средний мир – это земля, представляющая собой остров, который стоит в море. «Колоши увѣряютъ, что земля стоит на одномъ огромномъ столбѣ, которой хранить и поддерживаетъ Агишанаку; иначе земля давно бы опрокинулась и потонула въ морѣ. Агишанаку, по вѣрѣ Колошей, бессмертна, сильна, бдительна, т. е. никогда не спитъ и очень любить людей за то, что они огонь разкладывают на землѣ и тѣмъ ее согрѣваютъ. Эта нижняя старуха столь могущественна, что въ состояніи противустоять самому Элю, который, не рѣдко, за несохраненіе его заповѣдей и особенно за сильныя кровопролитія, покушается истребить всѣхъ людей, живущих на землѣ, и иногда въ порывѣ гнѣва своего приходитъ къ старухѣ Агишанаку и оттаскиваетъ ее отъ столба, поддерживаемаго; но никакъ не можетъ оторвать ее. И эта возня Эля съ Агишанаку, по мнѣнію Колошей, бываетъ причиною землетрясеній» (там же, с. 84).

Упомянутый здесь «столб», на котором стоит Земля, это эквивалент «мирового древа». Мировое древо – центральная фигура космической модели, прежде всего «вертикальной», и в принципе связано с трихотомическим делением на небо, землю («среднюю землю») и подземный мир, – так указывает Е. М. Мелетинский (4, с. 214). Эта «нижняя старуха» – своеобразное антропоморфное существо, почти слившееся со своим столбом, символизирует уже переход хаоса в космос, т. е. вода (море) в мифологиях мира всегда соотносится с хаосом. Нижний мир находится под землей и водой. Здесь живут злые духи, которые всегда связаны с хаосом, а потому их функция – посылать болезни на людей. В нижний мир после смерти уходят рабы и простолудины.

За пределами данной статьи остались многие интересные страницы труда свт. Иннокентия (Вениаминова), в частности, подробное описание шаманов, их действий, рассказы о колдунах, различные поверья. Но и то, что здесь представлено, помогает убедиться в широте охвата мифологии колошей, знание которой необходимо миссионеру-пастырю, имеющему благородную цель обращения их в иную, истинную веру.

К моменту встречи свт. Иннокентия (Вениаминова) с колошами они пребывали в «мифе и обряде». Записанный им фольклорно-мифологический материал дал возможность частично реконструировать их мифопоэтическую модель и тем самым обогатить нашу науку.

1. Записки об Атхинских алеутах и колошах И. Вениаминова, составляющие третью часть записок об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1940. 158 с.

2. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 719; Т. 2. С. 671.

3. Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1979. 228 с.

4. Он же. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1979. 230 с.

**Иннокентий (В. В. Ерохин), епископ
АРХИЕРЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ВЛАДИВОСТОКА
НА КАМЧАТКУ В НАЧАЛЕ XX в.
(по материалам «Епархиальных ведомостей»)**

Образование в 1840 г. Камчатской епархии стало важной вехой в процессе распространения православия в северо-восточной части Евразии, Приамурье и Приморье, укрепления культурного присутствия России в этом районе. В ряду камчатских архиереев вслед за свт. Иннокентием (Вениаминовым) находятся несколько человек, чьи труды способствовали развитию церковной жизни в столь обширном регионе.

Во второй половине XIX в. Камчатская епархия достигла достаточно больших размеров, чтобы можно было ею нормально управлять. Епархия называлась Камчатской, а центр ее находился в Благовещенске. Так, епископ Вениамин (Благонаравов) сообщал в Синод, что из Благовещенска легче управлять церквями в Грузии и Бессарабии, так как туда можно было без затруднения съездить за полгода, в то время как для поездки на Камчатку требовался целый год, а для почтовой переписки – 2 года (1, л. 29об). Поэтому в 1870-е гг. епископы начали дискуссию о разделении Камчатской епархии сначала в переписке между собой, а затем в отчетах в Синод. Например, епископ Мартиниан (Муратовский) в 1883 г. внес письменное предложение учредить в Петропавловске викариатство, но Синод оставил это представление без последствий (там же). Затем епископ Гурий (Буртасовский) нашел правильным направить архиерея во Владивосток (2, л. 1об.–2). Считалось, что из этого портового города архиерей ежегодно мог бы отправляться на судах в северные районы. Дискуссия о раздроблении Камчатской епархии продолжалась около 15 лет и окончательно завершилась в 1896 г. решением Синода о создании епархии Владивостокской с сохранением за правящим архиереем в его титуле ради исторической преемственности наименования «Камчатский» (там же). Указом Святейшего Синода от 5 января 1899 г. епископом Владивостокским и Камчатским назначили епископа Евсевия (Никольского), уроженца Тульской губернии (3, с. 127).

Однако, несмотря на удобное прибрежное расположение Владивостока, проблема управления отсюда камчатскими приходами не была устранена. Епископ вскоре писал в Синод, что северными территориями управлять из Владивостока было отнюдь не легче, чем из Благовещенска, как это было до разделения Камчатской епархии. Так, Владивостокский владыка в течение года, когда не было морской навигации, должен был направлять на Камчатку письменную корреспонденцию перевозкой через Благовещенск (2, л. 89об.). Большую часть года все северные округа имели возможность транспортного сообщения с Якутском, а не с Владивостоком, откуда с Камчаткой поддерживалось морское сообщение три-четыре летних месяца в году.

Все архиереи Русской Церкви в синодальную эпоху в соответствии в Духовным регламентом, законодательно регулировавшим деятельность церкви, обязаны были ежегодно совершать объезды епархии, лично контролировать деятельность приходов и церквей (4, с. 537). К концу XIX в. на Камчатке имелось 2 церкви и 32 часовни, на Командорских островах – 2 церкви. В этой связи интересен вопрос: как практически владивостокский архиерей выполнял названное требование Духовного регламента несмотря на сложные территориальные условия, в которые он был поставлен обстоятельствами.

Для изучения данного вопроса можно воспользоваться одной из публикаций во «Владивостокских епархиальных ведомостях», появившейся в 1903 г. Это был первый год выхода названной газеты, где в неофициальном разделе нескольких номеров, с 1 января по 1 ноября, впервые печатались дневниковые записи под названием «Поездка Преосвященнейшего Евсевия, епископа Владивостокского, в Камчатку летом 1899 года» (5). Их автор – священник Владимир Давыдов, спутник архиерея во время его поездки. Обращает внимание то, что редакция считала важным рассказать о событии прошлого времени, произошедшем 4 года назад. Таким путем редакция, видимо, нашла возможным показать читателям территориальные особенности епархии. Также в предисловии к статье говорилось о краеведческом значении и интересе публикации, ввиду тех «исключительных географических и других условий, в каких находится Камчатка, сравнительно еще мало знакомая русским читателям» (6, с. 11).

Главное место в публикации отводится епископу Владивостокскому и Камчатскому Евсевию (в миру Евгению Ивановичу Никольскому), прибывшему во Владивосток в марте 1899 г. Обстоятельства сложились таким образом, что в июле того же года управляющий епархией получил возможность на морском транспорте отправиться для объезда церквей на Сахалине и в Камчатском

благочинии. Компания «Добровольный флот» предоставила архиерею и сопровождавшим его лицам места на пароходе «Хабаровск» (6, с. 11). В целом поездка проходила со 2 августа (20 июля по ст. ст.) по 21 сентября (8 сентября по ст. ст.), то есть путешествие длилось почти два месяца, благополучно завершившись в день праздника Рождества Богородицы.

Публикация о поездке состоит из 8 частей, отражающих названия географических пунктов: 1) от Владивостока до Сахалина, 2) от Сахалина до Камчатки, 3) от Петропавловска до Командорских островов, 4) в Петропавловске, 5) от Петропавловска до Тигиля, 6) от Тигиля до Гижигинска, 7) в Охотске, 8) от Де-Кастри до Владивостока. Однако не только указанные в оглавлении статьи места посетил епископ. В маршруте также оказались с. Паратунское, Ола, Аян и Удское, что в устье реки. Автор дневника большое внимание уделяет характеристике географии тех местностей, которые были посещены архиереем. Судя по всему, он рассчитывал на тех читателей, которые не знали ничего о Камчатке, никогда здесь не были и, может, вообще никогда сюда не попадут.

В разных местах текста кратко передается описание климата, флоры и фауны северо-востока. Например, при подходе корабля к Петропавловску его пассажиры были впечатлены «бесчисленными рядами зубчатых вершин, покрытых вечным снегом», стаями чаек и диких уток, с криком носившихся и нырявших вокруг парохода, китами, «игравшими на солнце и пускавшими фонтаны» (7, с. 56). На Командорских островах спутники архиерея поразились высоким утесам, отвесным скалам и «возвышающимся над водой остроконечным подводным камням» (8, с. 176). Близ Тигиля путешественники, переплывая на лодках от судна на берег, пытались заигрывать с любопытными нерпами, во множестве плававшими в том месте (9, с. 323). Весь отчет изобилует подобными рассказами, что делает текст живым, создающим реальную обстановку, в которой оказались владыка и его спутники.

Есть в описании и небольшие наброски о селениях, домах, быте, пище, людях Камчатки, коренных народах. Например, взору путешественников на о. Беринга предстали «высокие, почти отвесные, красные крыши домов правильными рядами на берегу; между ними выделялась довольно простой архитектуры церковь», возле которой владыку дожидались частью русские и креолы, а главным образом алеуты, видевшие архиерея в первый раз (8, с. 175). В селении Преображенском на о. Медном любопытство путешественников привело в один из домов. Они увидели «чистенькую и довольно приличную комнатку, несколько цветков на подоконнике, кисейные занавески, несколько крашенных стульев, столы, накрытые скатертями, по стенам висели две-три лубочные картинки, старуху хозяйку и троих маленьких детей» (там же, с. 177). Дорога на Паратунские ключи описывается в подробностях передвижений на лодках, пешком по лесным тропинкам, верхом на лошадях и на легких нартах. Здесь же – описание летней рыбной стоянки и способа ловли рыбы. Выяснилось, что в самих Паратунских ключах проживал отдаленный родственник митрополита Иннокентия – зажиточный крестьянин Подпругин, у которого в доме владыка Евсевий остановился на ночлег (10, с. 244). Переезды архиерея не были столь комфортными, как можно подумать. Так, добираться до Тигиля путешественникам пришлось ночью на лодках от устья вверх по реке, пока шел прилив, а вторую половину ночи провести у костра на берегу, чтобы утром рано на узеньких и длинных батах идти вверх против течения реки до селения (9, с. 320). В тексте порой эмоционально описывается окружающая обстановка в селениях. Скажем, ночью в Гижиге владивостокские жители были «поражены лаем или воем камчатских собак», представлявшим нечто среднее между настоящим собачьим лаем, между завываньем ветра в трубе и между жалобным плачем маленького ребенка» (11, с. 364).

В целом маршрут путешествия оказался настолько обширным, а способы передвижения порой экзотическими для привыкшего к удобствам европейца (например, на собачьих упряжках по траве), что не приходится говорить о парадном характере архиерейского объезда, какой, в принципе, мог иметь место где-нибудь в центральной части России. Конечно, из описания следует, что чаще всего там, куда прибывал архиерей, его традиционно встречали торжественно, с положенными песнопениями; приветствовали официальные лица округ, местные священники и население. Так, в Петропавловске, «когда архипастырь взошел на пристань, купец Русанов от имени города приветствовал владыку с хлебом-солью. Затем к владыке подошел один представитель инородцев и через переводчика приветствовал Его Преосвященство. <...> Все время не умолкал звон колоколов с колокольни главной Петропавловской церкви. <...> Благословив всех собравшихся владыка пошел в город пешком по траве, в сопровождении толпы горожан» (7, с. 57). Звон с колоколен, там где они были, непременно встречал архипастыря. Иногда встречи были хотя и не по уставу, но не менее торжественными. Так, в Тигиле жители, заранее осведомленные о приезде своего архипастыря, ждали на берегу реки; когда они издали еще увидели «флотилию», состоявшую из ботов и лодчонок, то

устроили владыке приветственный салют из ружей» (9, с. 321). В другом случае, по дороге к Охотску, когда лодки с путешественниками плыли по р. Кухтуй, не было запланировано остановки в небольшом селении, состоявшем из 10 домов. Однако его жители вышли на берег встречать архипастыря: «несколько стариков, подростков и женщин с обнаженными головами и с малыми детьми на руках ставши в ряд пели довольно стройно молитвы. Царю Небесный, Богородице, Дево, радуйся, Отче наш». Автор отчета передает волнение, охватившее спутников, не ожидавших видеть такого: «неожиданно услышав тихое и стройное пение, были приятно поражены, обнажили головы, встали и стоя слушали молитвы, обернувшись лицом к берегу. Это православные обитатели приветствовали архипастыря просто, сердечно, с молитвой. Владыка был умилен, глубоко тронут и с катера осенил певцов благословением: те с низким поклоном приняли это благословение» (12, с. 473).

Но наряду с официальными церемониями описание путешествия наполнено примерами общения архиерея в простоте и непринужденности, в каких бы сложных обстоятельствах он не оказывался, что позволяет данный источник использовать для исследования нравственной личности владыки Евсевия. Так, на пути до Петропавловска, когда судно попало в шторм и у многих пассажиров было мрачное душевное состояние, «владыка был бодр и здоров, и из всех путешественников, кажется, он один сохранял внутреннее спокойствие, подолгу сидел в своей кают-компании и занимался чтением, а по временам и писанием дневника» (7, с. 54). Видимо, одно из ярких эмоциональных потрясений в ходе поездки пережили архиерей и его спутники при обратном переходе с Командорских островов в Петропавловск на судне береговой охраны «Якут», попавшем в сильнейшую бурю. Автор так передает их состояние: «Когда верхушка мачты при раскачивании парохода проводила геометрическую линию по всему своду небесному чуть не от горизонта до горизонта; когда палуба при наклоне образовывала чуть ли не прямой угол с поверхностью моря, – тогда при виде всего этого сердце замирало, и думалось: вот, еще наклон, еще размах влево или вправо – и пароход потеряет баланс и опрокинется верх дном, как ничтожная коробочка! Едва ли кто из нас <...> не вспоминал, горько задумавшись, своего прошлого, не подводил итогов жизни, готовясь с минуты на минуты расстаться с нею» (8, с. 180). Примерно похожая по тревожности ситуация произошла во время обратной дороги из селения Ола на пароход. Катер не смог спуститься по реке из-за отлива. Нужно было ждать прилива, либо плыть всем на одной лодке – «вертлявой и к тому же с течью» (11, с. 370). Владыка решил плыть на лодке. «Перекрестясь, вышли из устья в море. Едва вышли из устья, как над морем увидели густой туман и “Хабаровск” был не виден. Тревожное чувство охватило всех; лодку направили к пароходу на удачу и только благодаря опытности лоцмана благополучно достигли парохода более чем через час. Увидев владыку, капитан развел руками и ахнул, так как плыть в этой лодке было крайне опасно, он немало подивился решимости и спокойствию Преосвященного» (там же).

В описании представлены свидетельства походных условий, в каких архиерей пребывал, подобно первопроходцам северных земель. Так, по дороге в Тигиль на стоянке камчадалы «разостлали на траве несколько медвежьих шкур, устроили сиденье, и так все расположились отдыхать до рассвета. Сварили чай. У одного казака, сопровождавшего владыку, в сумке были две-три кружки, одно блюдце, несколько кусков сахара, ломоть хлеба и местная сушеная, не соленая рыба, “юкола”... Предложили эту скромную трапезу. Из черного от дыма и копоти котелка налили владыке кружку чаю, предложили сахар и юколу» (9, с. 320). Автор нарочито подчеркнул, что путешественники довольствовались простой пищей.

Пастырская деятельность, общение, коммуникация, знакомство, душепопечение – главная задача, стоявшая перед архиереем во время путешествия на север. В газетном описании детально показаны не только дорожные приключения, житейские особенности, но священнослужение архипастыря. Из описания вытекает, что в тех местах, куда приезжал владыка Евсевий, епископов не видели с давних пор, если они вообще когда-либо там оказывались. Поэтому мы не преувеличим, если скажем о миссионерском характере описанной поездки. Так, приближаясь к житейским нуждам камчадалов, владыка освятил одну из рыбацких стоянок и в Паратунке – горячие источники.

Одним из главных дел поездки были встречи с людьми. То были русские, алеуты, креолы, камчадалы, коряки разного социального статуса, разных сословий (военные моряки, чиновники, купцы, крестьяне, казаки, духовенство). Архиерейские службы в церквях для многих камчадалов оказались в новинку. Помолиться со своей паствой, преподать ей святое таинство причастия – это высшая цель священнослужителя. Обычно архиерей по приезду на место направлялся в храм или часовню, где совершал молебен, обращался к народу. Епископ Евсевий за 50 суток путешествия совершил 21 церковную службу, в том числе 6 литургий, 5 молебнов. В Петропавловске были про-

ведены поставления в диакона и священника для местной церкви (это прерогатива архиерейская). Очевидно, что подобные приезды управляющего епархией на Камчатку становились значимыми для укрепления кадрового потенциала церкви. В Гижиге пришлось принимать экстренное решение о перевозке заболевшего священника на лечение во Владивосток и поручать заведование церковью другому настоятелю из числа миссионеров.

Общаясь с народом, повсюду владыка давал благословение, говорил напутствия, передавал символичные подарки (крестики, иконки). Посещал школы, где экзаменовал детей по Закону Божию.

Публикация о поездке показывает, что архиерей использовал любую возможность, чтобы посетить как можно больше камчатских церквей. Исполняя контрольные функции, проверял состояние всех храмов и часовен, правильность ведения делопроизводства. В общем, не жалел телесных сил и времени, в том числе ночного отдыха, учитывая то, что пароход «Хабаровск» выполнял свой рейс, и у капитана не было возможности увеличивать продолжительность рейса.

В целом, на основании прочитанного описания, можно сделать следующие выводы. Путешествие владивостокского архиерея на Камчатку в условиях начала XX в. требовало значительных затрат времени (до двух месяцев) в летнее время года и проведения организационных мероприятий, в том числе при участии местной власти. При этом архиерей не всегда мог побывать там, где надо было оказаться, поскольку был ограничен транспортными средствами передвижения. Поездка носила, с одной стороны, инспекционный характер, согласно Духовному регламенту, с другой стороны, – просветительский и миссионерский, не ограничивалась только рамками богослужебной деятельности, что расширяло ее содержание и выводило за рамки формальности. Архиерейский приезд в поселения содействовал укреплению местных православных приходов и храмов. Священнослужители оказывали духовно-нравственную поддержку жителям северо-восточных территорий.

Сведения, занесенные в дневник, имеют краеведческий и этнографический интерес, позволяя читателям также познакомиться с географией, природным миром Камчатки и Охотского бассейна. Обстоятельства, привносимые особенностями передвижения водным путем, климатическими условиями Севера, требовали от архиерея высоких религиозно-нравственных качеств, готовности к самоограничению, лишению удобств и самоотверженному служению.

1. РГИА. Ф. 1151. Оп. 12. Д. 125.
2. РГИА. ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 101. Л. 1об–2.
3. Вступление Преосвященнейшего Евсевия в гор. Владивосток и открытие Владивостокской епархии // Камчатские епархиальные ведомости. 1899. № 9. 15 мая. С. 127.
4. *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. С. 537.
5. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. № 1–21.
6. Там же. № 1. 1 янв. С. 11.
7. Там же. № 3. 1 фев. С. 56.
8. Там же. № 8. 15 апр. С. 176.
9. Там же. № 14. 15 июля. С. 323.
10. Там же. № 11. 1 июня. С. 244.
11. Там же. № 16. 15 авг. С. 364.
12. Там же. № 21. 1 нояб. С. 473.

С. А. Корсун
ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА)
К И. К. ШАЯШНИКОВУ

В настоящей статье повторно публикуются письма митрополита Московского и Коломенского И. Е. Вениаминова к священнику церкви Воскресения Христова селения Уналашка (Иллюлюк) о. Уналашка Иннокентию Касьяновичу Шаяшникову. Впервые эти письма были опубликованы в 1900 г. в журнале «Американский Православный Вестник», издававшемся в Нью-Йорке. Ни до, ни после этого они не публиковались в сборниках документов и писем И. Е. Вениаминова (7, 11, 12, 14), также эти письма не указаны в библиографическом справочнике его публикаций (13).

И. К. Шаяшников родился либо 13 июля 1827 г. на о. Св. Павла (22, р. 452), либо в 1824 г. на

о. Атка (23, р. 123). На могильной плите И. К. Шаяшникова датой его рождения указан июль 1824 г. (21, р. 32). Его отцом был креол Касьян Васильевич Шаяшников (1796–1859), который с 1818 г. жил на о. Св. Павла, в 1835–1857 гг. являлся управляющим Российско-Американской компании (РАК). Он организовал на острове школу, вел метеорологические наблюдения и написал несколько очерков о морских животных и рыбах. В 1843 г. К. В. Шаяшников передал свои записки сотруднику Императорской Академии наук зоологу И. Г. Вознесенскому. Впоследствии эти записки были использованы в капитальной работе Ю. И. Симашко (17).

В детстве или ранней юности И. К. Шаяшников был перевезен на о. Атка (Атха), где учился в церковно-приходской школе у священника-креола Якова Егоровича Нецветова (о. Иаков, 1804–1864), который после окончания Иркутской семинарии, в 1829–1844 гг. служил священником Атхинского отдела РАК. Осенью 1844 г. о. Иаков был назначен руководителем Квихпакской миссии в эскимосском селении Икогмют, расположенном на берегу р. Юкон (Квихпак). К новому месту служения он отправился с дьячком И. К. Шаяшниковым и со своим племянником Василием Осиповичем Нецветовым (1836–1856). На место миссионерского служения они прибыли в 1845 г., здесь в состав миссии был включен переводчик Константин Семенович Лукин (1825–1862). Священник Я. Н. Нецветов и дьячок И. К. Шаяшников быстро овладели эскимосским языком и в короткий период крестили большое количество местного населения.

И. Е. Вениаминов отметил: «Миссия сия основана совершенно среди туземцев необращенных, и вдали от Русских (ближайшая одиночка в 120 верстах), и своими средствами, без всякого пособия от Компании. Первую зиму миссионер с причетниками своими провел в самой тесной и холодной юрточке. К следующей зиме они, только втроем и с некоторою помощью туземцев, а главнейшее при помощи Божией, построили себе довольно просторное жилище, на удивление не только туземцам, но и Русским. Все заготовление к зиме рыбы и дров делается самими членами миссии, без пособия туземцев: ибо туземцы, не привыкшие к постоянной работе, ни за что не соглашались быть работниками, большого труда и хлопот стоит найти работников для (миссионерских. – С. К.) путешествий. И вообще можно сказать, что миссия сия существует своими средствами. Но само собой разумеется, что хлеб и прочие европейские припасы получают ими из компанейской лавки, находящейся в Михайловском редуте» (1, с. 242).

В период с 19 мая по 29 сентября 1848 г. на судне «Великий князь Константин» епископ Иннокентий (Вениаминов) совершил инспекторскую поездку, во время которой посетил Уналашку, о. Прибылова, Кадьяк и Михайловский редут, расположенный на берегу зал. Нортон в 200 км от сел. Икогмют. Здесь в июле 1848 г. он встретился с о. Иаковым и другими служителями Квихпакской миссии. Епископ Иннокентий рукоположил пономаря К. С. Лукина в сан дьякона. Что касается 24-летнего, либо 21-летнего дьячка И. К. Шаяшникова, то он выехал вместе с епископом на Уналашку, где 23 августа 1848 г. был обвенчан с пятнадцатилетней девицей Марией Николаевной Алексеевой (1833–?) и после этого возведен в сан дьякона, затем священника и назначен настоятелем храма Воскресения Христова.

Далее приводятся письма И. Е. Вениаминова к И. К. Шаяшникову с краткими справками о лицах, которые в них упомянуты, и с другими комментариями перед каждым письмом.

I.

Упоминаемый в этом и других письмах Игнатъевич, Е. Игнатъевич, Емельян Игнатъевич – это Е. И. Власов (1793 – после 1865), уроженец Камчатки, который находился на службе в РАК с 1817 г. В 1830-е гг. был приказчиком на Уналашке, в 1848–1865 гг. – управляющим Уналашкинского отдела. В 1862 г. за примерную службу был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» на ленте ордена Св. Станислава.

Филарет (Иван Яковлев) – иеромонах, прибыл из Санкт-Петербурга в Русскую Америку в 1848 г., в следующем году был отправлен миссионером в состав Квихпакской миссии, где вскоре серьезно заболел.

Вениаминов Гавриил Иванович (1824–1880) – священник, миссионер в Русской Америке и на Дальнем Востоке, сын И. Е. Вениаминова. В 1850 г. повенчался в Москве на девице Екатерине Ивановне Зверевой.

Отец И. К. Шаяшникова – К. В. Шаяшников был награжден 14 января 1849 г. за усердную долговременную службу золотой медалью с надписью «За усердие» на Анненской ленте.

В конце письма И. Е. Вениаминов называет И. К. Шаяшникова братом. Это «аванс» для будущих взаимоотношений. Они были неравны по социальному положению, образованию, возрасту и сану.